Асмодей Денница

Как я стала МЕССАЛИНОЙ, или Попаданка в пурпуре

Сыч&Сыр

18+

Асмодей Денница

Как я стала Мессалиной, или Попаданка в пурпуре

«Автор»
2026

Денница А.

Как я стала Мессалиной, или Попаданка в пурпуре /
А. Денница — «Автор», 2026

Что делать московскому адвокату по наследственным спорам, если в пятницу, в 23:47, её кабинет озаряет киноварь, а древний папирус шепчет: «Ты уже выбрана. Ты придёшь в пурпур, когда я уйду»? Виктория Соколова, 32 года, IQ 156, не верит в мистику. Пока не падает на пол офиса — и не просыпается в Риме 48 года, в теле Валерии Мессалины, третьей жены императора Клавдия, самой скандальной женщины империи.Интриги, доносы, поддельные указы, оргии, гладиаторы, яды, сенатские схватки и любовь, которая страшнее смерти. Вика учится играть по правилам Древнего Рима: улыбка — оружие, печать — приговор, верность — роскошь. Она может спасти императора, переиграть Агриппину, остановить Нерона и изменить историю. Но сначала ей придётся решить, кем она хочет быть: императрицей в пурпуре или женщиной, которая переписала свою историю.Если вы любите попаданцев, дворцовые интриги, сильных героинь, неоднозначных злодеев, мраморные залы и запретную любовь на краю пропасти — эта книга для вас.

© Денница А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Змея с Палатина 5
Глава 1: Дело о наследстве 10
Глава 2: Подруга императрицы 18
Глава 3: Договор без подписи 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Как я стала Мессалиной, или Попаданка в пурпуре

Пролог: Змея с Палатина

Змея, что выползла из пурпура, не ведает, что яд её — не сила, а проклятие. Ибо нет большей клетки, чем золотая, и нет цепи тяжелее, чем та, что сплетена из чужих желаний.

— Из папирусов Луция Корнелия, найденных в Геркулануме

Москва, Зеленоград, бизнес-парк «Сколково-2».

Пятница, двадцать три сорок семь.

Офис юридической фирмы «Гранат, Левин и партнёры» на двадцать третьем этаже светился единственным окном — кабинетом Виктории Сергеевны Соколовой, кандидата юридических наук, специалиста по наследственным спорам и, по совместительству, самой невезучей женщины в радиусе МКАД.

— Ну почему? — спросила Вика у пустоты, откидываясь на спинку кресла. — Почему именно сегодня, именно сейчас, именно я?

Она посмотрела на экран ноутбука, засиженный белыми пятнами несохранённых абзацев. Иск «Петров против Петровой о признании завещания недействительным». Четыре тома материалов. Двое детей, которых разделили как имущество. Собака, за которую дрались отдельно — породистый корги по кличке Лорд, оценённый независимым экспертом в сто двадцать тысяч рублей. Сумма иска — три миллиона долларов. Сумма гонорара — полмиллиона. Время — которое кончилось, потому что часы на стене показывали без десяти полночь, а завтра в девять утра заседание в Мосгорсуде.

Вика Соколова, тридцать два года, рост сто семьдесят два, вес в районе «не ваше дело», IQ сто пятьдесят шесть — сидела в полной тишине, слушая, как гудит кондиционер, и думала о том, что её личная жизнь — это тоже своего рода наследственный спор. Только без юриста. И без шансов.

Она вздохнула и потянулась к чашке с остывшим чаем. Рука задела стопку бумаг, и одна из них скользнула на пол — не белый лист, а тёмный, желтоватый, с неровными краями. Вика нахмурилась. Она не помнила, чтобы подшивала к делу что-то похожее на древний папирус.

— Это ещё что? — пробормотала она, нагибаясь.

Пальцы коснулись шероховатой поверхности. Странный лист — плотный, вощёный, с выжженными по краям рунами. Не греческими, не латинскими — какими-то совсем дикими знаками, похожими на змей, застывших в прыжке.

Вика подняла его и поднесла к настольной лампе.

На ощупь — кожа. Тонкая, выделанная, старая. Пахнет пылью, вином и чем-то сладковатым — миррой, определила она, потому что бабушка когда-то приносила из церкви ладан, и запах был смутно похож.

В центре листа — текст. Выведенный киноварью, неровными буквами, словно писал человек в спешке или в полумраке. Или в страхе.

Вика прищурилась.

«Если ты читаешь это — ты уже выбрана. Боги не ошибаются, хотя люди молятся не тем. Ты придёшь в пурпур, когда я уйду. Не пытайся сопротивляться. Рим не прощает колебаний. И помни: змея не меняет кожу дважды за одну ночь».

— Что за бред? — сказала Вика вслух.

Она перевернула лист. На обороте — та же киноварь, но другим почерком, каллиграфическим, почти печатным:

«Передано через Кассия Лонгина, римского легата, проконсула Азии, при содействии аптекаря Иоанна Хрисоверга, в лето 735 от основания Города. Сие — послание Валерии Мессалины той, что займёт её место. Или не займёт. Боги решат».

Вика моргнула.

— Мессалина? — переспросила она у кондиционера.

Кондиционер не ответил, но где-то внутри здания щёлкнул рубильник, и свет на секунду погас. Монитор ноутбука моргнул, перезагружаясь. В темноте лист в руках Вики полыхнул киноварью — буквы вспыхнули алым, словно кто-то раздул угли под пеплом.

— Спокойно, — сказала она себе. — Ты просто устала. Ты работаешь двадцать часов в сутки. Ты не спала двое суток. Тебе кажется.

Она хотела отложить лист, но пальцы не разжались. Киноварь потеплела, стала пульсировать в такт сердцу. Вика почувствовала, как по руке побежало тепло — не приятное, нет, скорее тревожное, как если бы под кожу заползла горячая змея.

— Чёрт, — сказала она.

В носу защипало от запаха мирры — теперь уже не сладкого, а густого, удушливого, смешанного с винными парами и чем-то ещё — металлическим, острым. Кровь, поняла Вика. Так пахнет кровь. Она помнила этот запах с детства, когда разбила коленку об асфальт и рана не заживала неделю.

Тепло стремительно поднялось к плечу, перекинулось на грудь, сжало горло.

Вика попыталась отбросить лист — но руки не слушались. Она попробовала встать — ноги подкосились. Кресло откатилось назад, и она рухнула на пол, ударившись затылком о подставку для ног.

В глазах поплыли огненные змеи.

В ушах — голос. Женский, низкий, с хрипотцой, на странном языке, который Вика вдруг поняла — не словами, а ощущениями, как понимают музыку или крик:

— Пришла. Наконец. Я думала, ты не успеешь. Они уже идут. Нарцисс продал меня. Слышишь? Они топают по мрамору, эти верные псы — верные тому, кто платит больше. У тебя мало времени. Слушай меня, девочка из будущего. Слушай и запоминай, потому что я не могу повторить...

Вика хотела закричать, но голосовые связки не слушались. Она видела — странным двойным зрением — одновременно и потолок своего кабинета с люминесцентными лампами, и небо. Чужое небо. Чёрное, усеянное крупными звёздами, пахнущее морем и тлением.

— Ты получила мою кожу, — продолжал голос. — Я писала на ней кровью, потому что пергамент кончился, а уйти нужно было быстро. Дурацкая привычка — оставлять записки. Но кто-то же должен был объяснить тебе, во что ты вляпалась. Короче: я умираю. Точнее, я уже умерла. Меня убили. В этом теле — всё, что осталось от Валерии Мессалины, третьей жены императора Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика, матери Британника и Клавдии Октавии, хозяйки Рима и главной шлюхи Палатинского дворца. А теперь — трупа. Но не совсем трупа, потому что вместо меня теперь будешь ты.

— Я не хочу, — выдохнула Вика. Или ей показалось, что выдохнула.

— Твои хотелки никого не волнуют, дорогуша. Боги выбрали тебя. Думаешь, я хотела быть императрицей? Я хотела быть танцовщицей в цирке, честное слово. Но судьба — она как центурион: не принимает возражений. Так что слушай сюда.

Тепло в груди превратилось в огонь. Вика забилась в конвульсиях, но голос не умолкал:

— Во-первых: сейчас сорок восьмой год от Рождества Христова, то есть восемьсот первый от основания Рима, если тебе так понятнее. Клавдий — мой муж — в Остии, приносит жертвы. Гая Силия — моего любовника — уже взяли. Вопрос времени, когда ему отрубят

голову. Красивый был мужчина, боги, какой красивый... Но это неважно. Во-вторых: во дворец уже ворвались люди Нарцисса. Они убьют меня. То есть тебя. То есть нас. Но у тебя есть шанс, если ты успеешь сделать три вещи.

— Я адвокат, а не спецагент! — крикнула Вика мысленно.

— Тем лучше. Первое: найди в спальне, под третьей плитой у ложа, мой дневник. Там всё — кто кому должен, кто кого трахал, кто кого заказал. Второе: не верь Агриппине. Эта сука прикидывается подругой, но она хочет трон для своего ублюдка Нерона. Третье... третье — самое важное.

Голос замялся. Впервые в нём проскользнула не сталь, а боль.

— Третье: не влюбляйся в Гая Силия. Он того стоит — клянусь Юноной, он стоит каждой ночи без сна, каждой капли пота, каждой секунды блаженства. Но он — смертный приговор. Я это поняла слишком поздно. Ты — умная. Ты — из будущего. Ты поймёшь вовремя.

— Я даже не знаю, где я! — в отчаянии подумала Вика.

— Скоро узнаешь. Потерпи. Переход — штука болезненная. Как первый раз, знаешь? Но потом — привыкаешь. И ещё: прости меня за то, что я втянула тебя в это дерьмо. Я не специально. Просто... я очень не хотела умирать. А они сказали, что есть способ. Древний, забытый, грязный. Обмен душами. Я отдала им своё родовое кольцо — сапфир, который помнит ещё Августа. И они сказали: напиши на коже то, что я написала. Призови ту, что придёт. И она придёт.

— Кто — «они»? — спросила Вика.

Но голос уже таял, уходя, как вода в песок.

— Они — это... слушай, у меня нет времени объяснять. Просто знай: в Риме есть те, кто видит сквозь время. Они старше, чем сам Рим. Они живут в тени, под Форумом, в старых этрусских гробницах. Они умеют то, что нам, смертным, не положено. Я заплатила им кольцом. Ты заплатишь своей жизнью, если не будешь осторожна. Но шанс есть. Всегда есть шанс. Даже когда меч уже занесён. Особенно когда меч уже занесён.

Последние слова прозвучали шёпотом — тёплым, почти нежным.

— Прощай, девочка. Надеюсь, ты справишься лучше, чем я. И да: не забудь съесть что-нибудь, когда очнёшься. Римская кухня — отстой, одни тухлые гарумы. Я бы убила за хороший чизбургер...

Смех — горький, каркающий — и тишина.

Огонь, полыхавший внутри, угас.

Вика открыла глаза.

Она больше не лежала на полу своего кабинета. Вместо белого акрилового потолка над ней нависал мраморный свод, покрытый фресками — обнажённые нимфы убегали от сатиров, виноградные лозы обвивали колонны, а наверху, в разрыве облаков, восседал Юпитер с молнией в деснице.

Вместо ковролина «под паркет» под спиной — мозаика. Тёплая, чуть влажная от ночной росы. Вместо запаха офисной пыли и растворимого кофе — густой аромат ладана, кипариса, моря и... да, определённо, она не ошиблась — тухлого рыбного соуса.

— Гарум, — прошептала Вика. — О господи, это гарум.

Она села. Резко, рывком, словно вынырнула из воды.

Тело было не её. Она поняла это сразу — по тяжести в груди, по непривычному изгибу позвоночника, по тому, как по-другому дышали лёгкие. Она поднесла руки к лицу — тонкие, белые, с длинными пальцами, унизанными перстнями. На безымянном — массивный золотой змей с изумрудными глазами. На указательном — камея с профилем женщины в диадеме.

Она опустила взгляд. На ней — столы, длинное платье из тончайшего шёлка, почти прозрачного. Грудь — открыта, перехвачена золотой лентой под самой грудью. Кожа — бледная, с

розоватым отливом под светом факелов. На запястьях — браслеты, широкие, тяжёлые, чеканные.

Вика обернулась.

Она сидела на мраморном ложе, застеленном пурпурным покрывалом. Над головой — балдахин с кистями. Справа — столик на львиных лапах, уставленный серебряными кубками и блюдами с объедками — оливковые косточки, корки хлеба, засохшие фиги. Слева — большое овальное зеркало в бронзовой оправе, обращённое к ней.

Вика встала — тело слушалось плохо, ноги подкашивались, словно она долго лежала в лихорадке — и подошла к зеркалу.

Из серебристой глубины на неё смотрела незнакомка.

Волосы — чёрные как смоль, струящиеся до пояса, перехваченные золотой сеткой с жемчужинами. Глаза — большие, тёмные, чуть раскосые, с поволокой. Губы — полные, яркие, словно только что целованные. Скулы — высокие, острые. Нос — с горбинкой, породистый.

Лицо было прекрасным. Опасным. Тем лицом, из-за которого начинают войны и пишут поэмы.

Но это лицо не принадлежало ей.

— Чёрт, — сказала Вика.

Из зеркала на неё смотрела Валерия Мессалина.

Точнее — смотрела Вика Соколова глазами Валерии Мессалины. Или Валерия Мессалина смотрела её глазами? Переход был таким плавным, что граница стёрлась.

Она подняла руку — тонкая ладонь с голубыми венами коснулась щеки. Кожа была гладкой, молодой, упругой — двадцать три года, не больше. Мессалина умерла в двадцать пять. Значит, Вика получила тело за пару лет до рокового исхода. Несколько лет форы. Если верить историческим хроникам — хотя кому сейчас верить? — у неё было около двух лет до того, как Нарцисс перережет нить.

— Два года, — сказала Вика вслух. Голос был низким, с хрипотцой. Чужим. — У меня два года, чтобы не умереть.

Она снова посмотрела в зеркало.

Из глубины комнаты, отражаясь в полированной меди, приближался силуэт — мужской, тяжёлый, вооружённый.

Вика замерла.

Мужчина остановился в трёх шагах. Он был в доспехах — кожаный мускульный панцирь, бронзовые наголенники, шлем под мышкой. Лицо — грубое, с квадратной челюстью, шрамом через бровь и глазами, которые смотрели не на неё, а сквозь неё. Как смотрят на вещь.

— Госпожа, — сказал он на латыни — и Вика поняла каждое слово, словно знала этот язык всю жизнь. — Император возвращается из Остии. Нарцисс приказал передать: вы должны быть готовы к встрече.

Вика сглотнула.

— Я готова, — ответила она тем же низким голосом.

Стражник не ушёл. Он стоял и смотрел — теперь на неё, на её тело, просвечивающее сквозь шёлк, на обнажённые плечи, на изгиб талии.

— Ты что-то хотел ещё, преторианец? — спросила Вика, вкладывая в голос всё презрение, какое смогла собрать. В голове стучало: «Господи, господи, я в Риме, я в теле римской императрицы, передо мной римский солдат, и он пялится на мои сиськи».

Стражник дёрнул щекой. У него был пористый нос человека, который всю жизнь пил дешёвое вино, и глаза торговца на рынке рабов: оценивающие, спокойные, привыкшие считать чужое тело в сестерциях.

— Император, — повторил он, словно она не расслышала, — возвращается из Остии до рассвета. Нарцисс приказал передать: вы должны быть готовы. Он сказал — «готова» — и ухмыльнулся, как собака, которая нашла добычу и ждёт, кому её отдать.

Вика медленно поднялась с ложа. Она сделала это не спеша, как учила её когда-то — нет, не её, а то тело, чью память она теперь носила, — как делает женщина, которая знает цену каждой секунде, каждому дюйму своего тела. Шёлк скользнул вдоль бёдер. Она подошла к стражнику вплотную, взяла его за подбородок двумя пальцами — тонкими, с голубыми венами — и заставила посмотреть себе в глаза.

— Передай Нарциссу, — сказала она тихо, почти ласково, — что если он ещё раз пошлёт ко мне солдата смотреть на меня, как на лошадь на торгах, я прикажу выжечь ему глаза раскалённой палочкой. Императрице Рима не нужно разрешение вольноотпущенника, чтобы смотреть на кого-то свысока. Умри он — и я всё равно останусь. Умру я — и он не проживёт и дня. Так что мы квиты. Мы, кажется, поняли друг друга, преторианец?

Стражник побледнел. Он сглотнул — кадык дёрнулся — и отступил на шаг.

— Да, госпожа.

— Тогда иди.

Он вышел, пятясь. Шаги затихли в коридоре, но Вика ещё долго стояла посреди комнаты, стараясь не дышать слишком громко, потому что сердце колотилось, как молот о наковальню.

«Вика, — сказала она себе. — Ты только что угрожала выжечь глаза человеку. Ты. Которая плачет над бездомными котами и не может придавить таракана тапком. Что с тобой происходит?»

Но она знала, что с ней происходит. Это было не её тело, не её голос, не её рефлексы. Это было тело женщины, которая правила Римом железной рукой в бархатной перчатке — и умела делать страшные вещи мимоходом, не повышая голоса. Вика лишь одолжила это тело. Но, как любой хороший адвокат, быстро училась использовать чужие активы по назначению.

Стражник вернулся на пороге — Вика вздрогнула, но виду не подала.

— Госпожа... — Он мялся, переступая с ноги на ногу. — Нарцисс велел также сказать: Гая Силия казнят на рассвете. Если госпожа желает проститься...

Вика почувствовала, как внутри — глубоко, в чужих мышцах, в чужой памяти — что-то оборвалось. Боль, не её, но ослепительно реальная. Она не знала Гая Силия. Никогда его не видела. Но тело, в котором она застряла, помнило его — каждое прикосновение, каждое слово, каждое дыхание.

— Нет, — сказала Вика. — Я не желаю проститься.

Стражник кивнул и вышел. Шаги затихли в коридоре.

Вика осталась одна.

Она опустилась на ложе, взяла в руки серебряное зеркало и долго смотрела на отражение. Чёрные волосы, тёмные глаза, губы, к которым уже прикасалась смерть — и, возможно, прикоснётся снова.

— Ну что ж, — сказала она вслух на латыни, и слова давались ей так же легко, как родные русские. — Давайте знакомиться. Я Виктория Сергеевна Соколова, адвокат. И, судя по всему, теперь ещё и императрица Рима. Коллеги, готовьте платок — дело обещает быть громким.

Она усмехнулась — некрасиво, криво, как привыкла в зале суда, — и отложила зеркало.

Где-то в глубине дворца завыла собака. Или волчица. Или сама судьба, принявшая обличье римской гончей.

Вика легла на пурпурное покрывало, закрыла глаза и попыталась вспомнить всё, что знала о Мессалине из книг, — и понять, какого чёрта ей теперь делать.

За окнами, на тёмных улицах Вечного города, бряцало оружие. Приближался рассвет. А с ним — первая кровь.

Глава 1: Дело о наследстве

Закон есть паутина: муха запутается, шершень прорвёт. Но в Риме паутину плетут не пауки, а вдовы — и нити их тянутся через столетия, к тем, кто ещё не рождён.

— Приписывается Квинтилиану, «Наставления оратору», кн. XII (апокриф)

Палатинский дворец не спал.

Вика поняла это, едва открыла глаза, — по звукам, которые никогда не услышишь в современной Москве. Где-то под окнами бренчала сбруя, кричал погонщик мулов, перекликались стражники; над головой, ровно и мерно, гудел мраморный свод, проветриваемый горячим воздухом из гипокауста; а снаружи, сквозь узкое окно, тянуло утренней прохладой, смешанной с запахом лошадей, жареного хлеба и — неизбежно — гарума.

Вика лежала на пурпурном покрывале и смотрела в потолок, расписанный нимфами и сатирами, и пыталась вспомнить, кто она такая.

— Виктория Сергеевна Соколова, — прошептала она одними губами. — Адвокат. Кандидат юридических наук. Тридцать два года. Живу в Москве, на Профсоюзной. — Пауза. — Но это было вчера.

Сегодня она была Валерией Мессалиной, императрицей Рима, женой Клавдия — и, судя по тому, как ныло всё тело, только что пережившей очень странную ночь.

Она села на ложе. В комнате было светло — утро уже перевалило за половину. Две рабыни, застывшие у стены, ожили, увидев, что госпожа проснулась: одна поднесла серебряный кубок с водой, другая — таз и полотенца. Вика машинально приняла кубок, сделала глоток. Вода была тёплой и отдавала глиной. Она поморщилась.

— Принесите холодной, — сказала она на латыни и сама удивилась, как легко слова сошли с языка. — И... что сегодня?

Рабыни переглянулись. Первая, постарше, с сединой в волосах, ответила осторожно:

— Госпожа, сегодня шестой день до октябрьских календ. Император вернулся из Остии вчера к ночи. Он изволил спросить о вас.

Вика внутренне собралась. Клавдий. Император. Её муж. Мужчина, который — если верить историям — подписал брачный договор собственной жены с любовником, приняв это за шутку. Мужчина, который забыл, что жена умерла, и наутро спросил, почему она не приходит.

Она вспомнила его — не лицом к лицу, а по тому, что осталось от прошлой ночи, как отпечаток на коже. Она не помнила всех подробностей — помнила только тяжесть его тела, тепло его дыхания у шеи, его руки, большие, неуклюжие, которые в темноте становились почти нежными. Помнила, как он вошёл без стука, ещё в дорожной тунике, пахнущий лошадьми и вином, и как его лицо — простая, добродушная физиономия человека, которого сама судьба сделала императором, — осветилось при виде неё.

«Валерия, — сказал он ей тогда. — Я так соскучился. Остия — такая долгая дорога. Позволь мне...»

Он не договорил — он так и не мог договорить до конца, потому что задыхался от волнения и от вина, — но она всё поняла. Она поднялась ему навстречу, потому что не знала, какой надо быть: Мессалина, скандальная и жадная, или Вика, адвокат, которая никогда никого не впускала так близко, чтобы не показать шрамов.

А потом он оказался рядом, у её постели, — и его ладони, мозолистые от перьев и от тяжёлых свитков, легли ей на плечи, а губы прижались к её шее, и Вика, к своему собственному удивлению, не отстранилась.

Во всём этом было что-то странно трогательное. Он был неуклюж, тороплив, почти неловок — и при этом нежен, как человек, который три недели в дороге мечтал об одном. Он цело-

вал её жадно и неумело, и она, закрыв глаза, позволила себе подумать, что и в этом чужом браке, в этой чужой жизни, есть — может быть — капля тепла, которую можно украсть, ничего не разрушая.

— Ну что ты, — услышала она свой собственный шёпот, когда он замер, боясь спугнуть её. — Ты же дома. Я дома.

— Ты — моё счастье, — выдохнул он, уткнувшись носом ей в висок, как делают дети, когда хотят доверить самую большую тайну. — Ты не представляешь, Валерия, какое ты счастье.

Она не знала, что ответить. Она просто обняла его, прижала к себе — этого смешного, доброго, слабого человека, который был её мужем по чужой судьбе, — и почувствовала, как его дыхание становится спокойнее, как тело расслабляется у неё на руках, как он засыпает, как ребёнок, убаюканный теплом и покоем.

Он не требовал страсти. Он не требовал искусства. Он просил только этого — маленького тепла, чувства, что дома его любят. И Вика, которая всю ночь не могла уснуть, глядя в расписной потолок, водила пальцами по его взъерошенным волосам и думала.

«Так вот ты какой, мой муж, — думала она. — Такую меня ты любишь. А я — кто тебе? Чужая женщина в теле твоей жены, юрист из другого века, которой просто стало жаль тебя. Прости меня, Клавдий. Но тепла, которое я тебе даю, — я даю его от себя. От Вики, которая никогда никого не впускала так близко».

Она поцеловала его в макушку и, наконец, закрыла глаза.

Утром он ушёл раньше неё — ушёл на заседание, к своим свиткам, к своим вольноотпущенникам, — и оставил ей на подушке маленький золотой браслет, снятый с собственного запястья. Подарок. Знак. Неловкая попытка сказать «спасибо за эту ночь».

Вика подержала браслет в ладони, взвесила его на пальцах и надела на запястье.

— Странный муж, — сказала она вслух пустой комнате. — Странный брак. Странная жизнь. Но, кажется, я могу в ней жить. Если постараться.

— Император, — повторила она. — Да. Мне нужно к императору.

Рабыни помогли ей одеться. Процесс был долгим и, с точки зрения Вики, варварски запутанным: сначала тонкая туника, потом стола с поясом, потом палла, которую драпировали вокруг плеч с точностью, достойной скульптора. Всё это — шёлк, лён, золотые нити, жемчуг. Вика смотрела на свои руки — белые, холёные, с яркими перстнями — и не могла поверить, что эти руки ещё вчера сжимали папку с делом «Петров против Петровой».

«А если я просто сплю? — подумала она. — Если это сон — самый дурацкий сон в моей жизни — и я сейчас проснусь в своём кабинете с затекшей шеей и недопитой чашкой чая?»

Она ущипнула себя за предплечье. Больно. Но во сне тоже бывает больно, напомнила она себе.

— Госпожа, — сказала старшая рабыня, — позвольте доложить. К вам с утра просится управляющий по имени Эпафродит. Он говорит, что дело неотложное — «о наследстве», так он сказал.

Вика замерла. Наследство. Её специальность. Сердце пропустило удар.

— Впусти.

Эпафродит оказался сухопарым греком лет шестидесяти, с лицом, изъеденным оспой, и глазами, которые смотрели на мир с выражением человека, который давно перестал удивляться. Он вошёл, низко поклонился и без лишних слов выложил перед Викой вощёную табличку.

— Госпожа, — сказал он, — у нас беда. Авл Секстий, богатейший всадник из Кампании, умер третьего дня, не оставив завещания. Вернее, оставил — но его оспаривают.

Вика взяла табличку. Пальцы сами нашли нужное место, глаза сами пробежали текст — латинская скоропись давалась ей, как родная, словно кто-то вложил ей в голову целый словарь вместе с душой.

— Наследники по закону, — прочитала она вслух, — вдова и двое сыновей. Завещание, составленное за день до смерти, передаёт всё... — она подняла глаза, — ...цирковой танцовщице Вибии Пассе. Это так?

— Так, госпожа.

— И кто оспаривает?

— Вдова. Она утверждает, что Авл Секстий был не в своём уме — что его опоили зельем, и что завещание — подделка.

Вика откинулась на спинку кресла. Чужие пальцы — длинные, унизанные кольцами — барабанили по столу. Внутри неё боролись два существа: юрист Вика, который уже видел три типовые схемы подделки завещаний, и императрица Мессалина, которая видела совсем другое.

— Эпафродит, — сказала она медленно. — Зачем это дело принесли мне? У императрицы Рима есть сотни других занятий, кроме разбора имущественных споров всадников.

Грек поджал губы.

— Госпожа, потому что вчера, перед самой смертью, Авл Секстий послал к вам гонца. Он хотел говорить с вами лично. Гонец прибыл — но Авл уже умер. А сегодня утром гонца нашли в Тибре. С перерезанным горлом.

Тишина повисла в комнате. Даже рабыни у стены перестали дышать.

Вика медленно положила табличку на стол.

— Значит, — сказала она, — это не имущественный спор. Это предупреждение.

— Поэтому я и пришёл, госпожа. — Эпафродит поклонился ещё ниже. — Вы единственная, к кому покойный хотел обратиться. И вы единственная, кто может найти правду, не спрашивая разрешения у вольноотпущенников.

«Вольноотпущенников» — сказано было с такой интонацией, что Вика сразу поняла: речь о Нарциссе и Паланте, теневых хозяевах дворца, которых Мессалина вчера — то есть недавно, в прологе её жизни — успела оскорбить через стражника.

Она усмехнулась. Криво, по-своему.

— Хорошо, Эпафродит. Вот что я сделаю. Я приму это дело. — Она подняла палец, останавливая его радостный поклон. — Но сначала я должна кое-что сделать. У меня была... бессонная ночь. Голова тяжёлая. Мне нужно побыть одной.

Грек понял. Поклонился и вышел, пятясь.

Вика подождала, пока закроется дверь, и повернулась к рабыням.

— Выйдите. Обе. И чтобы никто не входил, пока я не позову.

Когда дверь за ними закрылась, Вика опустилась на колени у ложа — там, где, по словам голоса из пролога, под третьей плитой лежал дневник Мессалины.

Она постучала по полу. Мрамор. Одинаковые плиты. Третья от ложа — вот эта.

Она надавила. Ничего. Постучала сильнее. Потом присмотрелась: одна из плит была чуть темнее остальных, и по краю шла едва заметная щель. Вика подцепила ногтем — не вышло. Она огляделась, нашла на столике бронзовую палочку для завивки волос, поддела край. Плита приподнялась с тихим скрежетом.

Под ней лежал свёрток: кожаный, перетянутый ремнём. Вика достала его, села на ложе и развязала ремень.

Внутри было то, что обещал голос: объёмистая тетрадь в деревянной обложке, исписанная плотным, мелким почерком — и не латиницей. Греческим. Вика удивилась, но руки сами разобрали: Мессалина, дочь знатного рода, писала по-гречески, как все образованные римлянки. А ещё в свёртке лежали: три восковые таблички, туго запечатанные; золотой перстень с

сапфиром — тот самый, родовой, «который помнит ещё Августа»; и тонкий свиток папируса, перехваченный чёрной нитью.

Вика развернула дневник. На первой странице — тем же киноварным почерком, что и послание в её московском кабинете:

«Если ты читаешь это — значит, я мертва, а ты жива, и мы обе в одном теле. Не благодари. Это я должна тебе спасибо, что ты вообще пришла. Записи ниже — мои. Всё, что я знаю о людях, деньгах и тайнах этого дворца. Пользуйся. Но помни: у всего, что ты оттуда возьмёшь, есть цена, и платят её не всегда деньгами».

Дальше шли страницы — сотни страниц. Имена. Долги. Любовники. Заговоры. Кто кому должен, кто кого ненавидит, кто кого боится. Вика листала жадно, ловя себя на том, что читает, как читают юридическое досье: ищу связи, ищу мотивы, ищу слабые места.

На одной из страниц она остановилась. Запись была сделана за месяц до смерти:

«Гай Силий. Если я умру до того, как он умрёт, — это он. Проклятие. Любовь. Смерть. Не смей его презирать: он единственный, кто никогда не лгал мне. Даже когда должен был»

Вика перечитала трижды. В груди снова шевельнулась чужая боль — та, что вчера оборвалась при известии о казни. Она захлопнула дневник.

— Так, — сказала она вслух. — Так, так, так. Сначала — дело. Потом — чувства. Чувства — это то, что убивает адвокатов. Я это знаю.

Она спрятала дневник обратно под плиту, задвинула её на место и потёрла переносицу. В голове уже складывался план.

«Дело о наследстве Авла Секстия» — так она обозвала его мысленно. Факты: богатый всадник, внезапная смерть, завещание в пользу цирковой танцовщицы, оспоренное вдовой, и убитый гонец, который вёз императрице что-то важное.

«Что он ей вёз? — подумала Вика. — Если бы это было просто завещание — он бы отправил его по почте, как все. Он отправил гонца лично, к императрице. Значит, в этом деле есть что-то, что не должно попасть в чужие руки».

Она встала, одёрнула столу и направилась к двери. По дороге задержалась у зеркала: на неё смотрела Мессалина — чёрные волосы, тёмные глаза, полные губы, накрашенные по моде. Вика подмигнула отражению.

— Работаем, — сказала она. — Сначала к императору — пусть считает, что жена скучает. Потом — в город.

Клавдий ждал её в зале для аудиенций — просторной комнате, где, несмотря на утро, уже горели факелы. Император сидел на курульном кресле, похожий на воробья, которого зачем-то нарядили в пурпур: узкие плечи, сутулая спина, голова, чуть склонённая набок, как у человека, который вечно прислушивается — то ли к голосам, то ли к собственным мыслям. Рядом с ним стоял вольноотпущенник — сухой, бритый, с лицом, лишённым всякого выражения, — Вика сразу поняла, что это и есть Нарцисс.

— Валерия! — Клавдий вскочил, расплылся в улыбке; глаза его — большие, навыкате, как у совы — засветились радостью. — А я боялся, ты ещё спишь. Подойди, подойди, дай посмотреть на тебя. Ты сегодня... — он сделал неопределённый жест, — ...сияешь.

Вика подошла, позволила себя обнять, поцеловала мужа в щёку — нежно, как положено, — и внутренне отметила, что Клавдий пахнет вином, ладаном и чем-то ещё, смутно сладким, как будто он уже успел позавтракать чем-то очень калорийным.

— Ты скучала? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Ужасно, — ответила Вика. — Остия — далеко. Я считала дни.

Клавдий расцвёл. За его спиной Вика краем глаза заметила, как Нарцисс едва заметно скривил губы — как человек, который давно разучился верить хоть одному слову императрицы, но вынужден молчать.

— А у меня новость! — Клавдий хлопнул в ладоши. — Сенат постановил: в честь благополучного возвращения — большие игры в честь Марса. Двадцать пар гладиаторов! Травля медведей! И — самое главное — морское сражение на Фучине, если боги дадут погоду. Ты будешь?

— Буду, — сказала Вика. — Я бы ни за что не пропустила, как ты топишь настоящие корабли на настоящем озере. — Она улыбнулась. — Только, милый, у меня к тебе одна просьба.

— Говори, говори! — Клавдий готов был выполнить любую просьбу жены, лишь бы она улыбалась.

— В городе умер один человек. Авл Секстий, всадник из Кампании. Оставил завещание, которое оспаривает вдова. Обычное дело, скучное, но меня просили взглянуть. Позволь мне уладить это без лишнего шума — по-семейному, без суда.

Клавдий махнул рукой — делом, недостойным императорского внимания.

— Забирай, забирай. Ты же у меня умница. Только, — он понизил голос, — ты не забыла, что вечером у нас пир в честь Вителлия? Он привёз из Сирии таких рабынь... — Клавдий мечтательно закатил глаза. — Ты просто обязана быть. Он потом будет полгода рассказывать всем, что императрица не пришла.

— Буду, — пообещала Вика. — Обязательно.

Она уже повернулась, чтобы уйти, когда Нарцисс шагнул вперёд.

— Госпожа, — сказал он ровным, как доска, голосом. — Разрешите слово. Об Авле Секстии я осведомлён. Недостойный человек. Вёл дела с сомнительными личностями. Наши люди говорят, что завещание его — чистая воды фальшивка, составленная этой... танцовщицей. Не стоит вам, госпожа, марать руки. Позвольте, я передам дело в преторианский суд — там разберутся быстро и, — он сделал паузу, — тихо.

Вика остановилась. Медленно обернулась. Посмотрела на Нарцисса — и впервые по-настоящему его увидела.

Сухой, бритый, с лицом, лишённым выражения. Вольноотпущенник, который стал тенью императора. Человек, который, по всем хроникам, в конце концов погубит Мессалину — прикажет убить её, когда придёт час.

«Значит, ты уже сейчас наводишь справки о делах, за которые я взялась, — подумала Вика. — Интересно, просто ли ты любопытен — или ты в этом деле замешан?»

— Благодарю за заботу, Нарцисс, — сказала она вслух, сладко, как мёд. — Но я справлюсь сама. У императрицы должна быть голова на плечах, а не только диадема. Не правда ли, муж мой?

Клавдий, который уже потерял нить разговора и смотрел на рабыню, приносящую вино, поднял голову.

— Что? А, да, конечно. Валерия у нас умница, Нарцисс, не спорь. — Он махнул рукой. — Пусть делает, что хочет.

Нарцисс поклонился — низко, но Вика успела заметить, как на секунду в его глазах мелькнуло что-то холодное и оценивающее, как у человека, который записывает должника в свою книгу.

«Я запомнила, — подумала Вика. — И ты запомни, что я запомнила. Пока квиты».

Она вышла из зала, сопровождаемая двумя рабынями, и направилась к выходу из дворца — туда, где её ждал Эпафродит с носилками.

По дороге она думала о том, что узнала из дневника. Дело о наследстве было лишь верхушкой. Под ним лежало что-то поглубже: танцовщица по имени Вибия Пасса, умерший всадник, убитый гонец и вольноотпущенник, который слишком уж быстро предложил «уладить тихо».

«В любом деле есть три вещи, — сказала она себе формулой, которую твердила всем стажёрам. — Деньги. Страсть. Власть. Найди, где они пересекаются — и найдёшь убийцу».

Носилки качнулись, понесли её вниз, к Римскому форуму, по улицам, пахнущим хлебом, навозом и мраморной пылью. Город гудел, жил, торговал — чужой, древний, прекрасный и смертельно опасный.

Вика откинула полог и выглянула наружу. Улицы были полны народу: торговцы, тащившие корзины с рыбой; носильщики, ругающиеся сквозь зубы; матроны в пёстрых столах, сопровождаемые рабынями; патриции в белых тогах, которые двигались с важностью, приберегаемой для тех, кто знает, что его все видят. Всё это — под крики уличных торговцев, под звон медяков, под запах жареных каштанов, под речитатив какого-то философа, расположившегося на ступенях храма и объяснявшего прохожим, что все они — пыль и тлен, но что пыль эта, впрочем, имеет право на завтрак.

«Боже, — подумала Вика. — Я в древнем Риме. Настоящем. Не в кино, не в книжке. И меня зовут Мессалина».

Она поймала себя на том, что улыбается — неловко, по-детски, как улыбалась, когда впервые выиграла дело. Следом одёрнула себя: это не экскурсия. Это работа. Хуже того — работа, в которой проигрыш стоит жизни.

Носилки свернули в кривой переулок. Эпафродит шёл рядом, держась за ручку носилок, и негромко докладывал:

— Дом Вибии Пассы — на Субуре, госпожа. Место шумное, но сама она живёт скромно: снимает комнату над пекарней. Танцует в цирке Фламиния по праздникам, в будни — зарабатывает на свадьбах богатых плебеев. Говорят, — он понизил голос, — что Авл Секстий влюбился в неё год назад, когда она танцевала на пиру у его соседа. Он был вдовцом, старым, богатым и одиноким. Такие влюбляются последний раз в жизни — и уже не одумываются.

— А вдова? — спросила Вика. — Что за женщина?

— Вдова — Уммидия Квадратилла, из рода Уммидиев. Женщина почтенная, лет пятидесяти. У неё от Авла двое взрослых сыновей. Она утверждает, что завещание — подделка, потому что Авл за неделю до смерти якобы говорил друзьям, что всё оставит детям.

— Якобы, — повторила Вика. — «Якобы» — моё любимое слово. Оно означает, что свидетели куплены, а факты отсутствуют.

Они остановились перед трёхэтажным домом, грязным, обшарпанным, с облупившейся штукатуркой — над входом висела вывеска пекарни и пахло тёплым хлебом. Вика выбралась из носилок, отряхнула столу, которая здесь, на Субуре, выглядела как придворное платье на рынке — вызывающе, нелепо и опасно.

— Эпафродит, — сказала она, — жди меня здесь. Если через час меня не будет — беги во дворец и скажи императору, что его жену убили на Субуре. Он, конечно, расстроится. Ненадолго, но расстроится.

Грек открыл было рот, но Вика уже поднималась по лестнице.

Дверь ей открыла сама Вибия Пасса — и Вика на секунду забыла, зачем пришла.

Девушке было лет двадцать. Волосы — пепельные, собранные в пучок, из которого выбивались пряди; лицо — смуглое, с высокими скулами и огромными серыми глазами; фигура — гибкая, как ива, с длинными ногами и тонкой талией танцовщицы. Она была в дешёвой тунике, без украшений, но двигалась так, что становилось ясно: дешёвая туника — случайность, а не природа.

Увидев императрицу в пороге своего убогого жилища, Вибия побледнела, прижала руки к груди и присела в низком поклоне, коснувшись лбом колен.

— Госпожа! Я... я не ждала...

— Встань, — сказала Вика. — Я не кусаюсь. Пока.

Она вошла. Комната за пекарней была убогой, но опрятной: узкая кровать, сундук, очаг, стол с глиняной посудой. На стене висели две маски — театральная, плачущая, и цирковая, с колокольчиками. На сундуке лежал свиток папируса, перевязанный красной лентой.

— Это оно? — спросила Вика, кивая на свиток.

Вибия подошла, взяла свиток, протянула ей. Пальцы девушки дрожали.

— Он мне его дал сам, госпожа. За день до смерти. Сказал: «Спрячь. Это твоё наследство. Больше я ничего не успел». А я... я не хотела его смерти. Клянусь всеми богами. Я его любила. Он был добрый. Старый, но добрый.

Вика села на край кровати — единственное место, куда можно было сесть, — и развернула свиток. Почерк был неровный, старческий, с дрожью в нажиме — но это был явно не поддельный дрожащий почерк: так пишут люди, у которых уже отказали руки. Завещание было коротким, без юридических выкрутасов — в нём Авл Секстий завещал Вибии Пассе дом в Кампании, деньги, достаточные, чтобы жить безбедно, и — что самое странное — «семейный архив, хранящийся в сундуке с железными углами в моём кампанийском имении».

Вика перечитала эту строчку дважды.

— Железные углы, — пробормотала она. — Зачем завещать кому-то архив, если не хочешь, чтобы его нашёл кто-то ещё? Значит, в этом архиве есть что-то, что кто-то очень хотел бы уничтожить. Вопрос — что?

— Госпожа... — Вибия замялась. — Я не знаю, что это значит. Я только знаю, что в последний месяц он стал бояться. Он запирал двери, не выходил по ночам, разговаривал сам с собой. Один раз я слышала, как он шептал во сне: «Они не должны найти папирусы. Они их сожгут».

Вика подняла голову.

— Папирусы? — переспросила она. — Он так и сказал — папирусы?

— Да, госпожа.

Вика медленно свернула свиток. Внутри неё, на периферии сознания, что-то щёлкнуло — как защёлка на папке, в которую ложится новое дело. Гонец, убитый на Тибре. Вдовец, боявшийся собственной тени. «Папирусы», которые «они» хотят сжечь. И императрица, к которой он хотел обратиться лично.

— Вибия, — сказала она, — ты хорошо знаешь, кто был другом Авла Секстия?

Девушка подумала.

— Он был нелюдим. Но последние месяцы к нему часто приходил один человек — грек, старый, с лицом в оспинах. Они запирались в кабинете, и я слышала, как они спорили. Грек кричал: «Это безумие! Тебя убьют!» А Авл отвечал: «Если я не сделаю этого — убьют нас всех».

Вика встала.

— Спасибо, Вибия. Ты помогла мне больше, чем знаешь. — Она остановилась в дверях, обернулась. — Слушай меня внимательно. Это дело пахнет так, что даже я, с моим носом, не могу сказать, чем именно. Не выходи из дома без нужды. Не отдавай этот свиток никому — даже если тебе скажут, что пришли от меня. Если тебя будут спрашивать — ты ничего не знаешь. Поняла?

Вибия кивнула, глядя на неё испуганными глазами.

— И ещё, — добавила Вика, — ты умеешь делать что-нибудь, кроме танца?

— Я... я умею читать и писать. Меня научили в доме, где я росла.

— Отлично. Читать и писать — это уже две профессии. Это больше, чем у половины сената. Держись.

Она вышла, хлопнув дверью, и спустилась по лестнице — туда, где её ждал Эпафродит.

— Госпожа, — сказал грек, — я слышал отсюда, как вы разговаривали. Про папирусы. Это плохо, госпожа. Очень плохо.

— Почему «плохо»? — спросила Вика. — Знание — это сила.

— Знание — это то, за что убивают, госпожа. Особенно в Риме. Особенно когда знание касается... — он запнулся.

— Чего?

Эпафродит оглянулся по сторонам, понизил голос до шёпота:

— Когда знание касается госпожи Агриппины.

Вика замерла.

Агриппина. Младшая. Сестра Калигулы, мать Нерона, жена — нет, уже вдова — Гнея Домиция Агенобарба. Женщина, которую Мессалина в прологе назвала «сукой, которая прикидывается подругой». Женщина, которая, по всем хроникам, займёт место Мессалины после её смерти и убьёт Клавдия отравленными грибами.

— Почему ты связал папирусы Авла Секстия с Агриппиной? — спросила Вика, ровно, без интонаций.

— Потому что, госпожа, Авл Секстий был управляющим имениями покойного Гнея Домиция. Первого мужа госпожи Агриппины. Если он вёл какие-то записи, касающиеся того дома... госпожа Агриппина очень не любит, когда кто-то копается в делах её покойного мужа. Говорят, там было... — он снова замялся.

— Что там было? Договаривай.

— Говорят, там было что-то такое, за что в своё время убили не одного человека. Ещё при Тиберии. И что об этом знал только Авл Секстий. И что он держал это... как заложника. Чтобы его не тронули.

Вика стояла посреди Субуры, среди шума, грязи и запаха хлеба, и чувствовала, как у неё под шёлковой столой холодеет спина.

— Эпафродит, — сказала она наконец, — вези меня обратно во дворец. И найди мне человека, который умеет молчать и смотреть. У меня будет для него работа.

Грек поклонился.

— Есть такой, госпожа. Немой. Бывший гладиатор. Зовут Клеон. Он умеет видеть всё и не говорить ничего — потому что говорить не может.

— Подходит, — сказала Вика. — Завтра на рассвете — пусть ждёт меня у ворот.

Носилки тронулись. Позади осталась Субура, шумная, грязная, кипящая жизнью; впереди, на холме, белел Палатин — дворец, клетка и трон, всё сразу.

Вика смотрела на золотую статую императора, стоявшую на форуме, и думала, что её первое римское дело оказалось не про наследство.

Оно было про то, кто именно убил Авла Секстия — и что такого лежало в сундуке с железными углами, из-за чего стоит умереть, убить и — возможно — стать императрицей.

А где-то за спиной, во дворце, сухой, бритый человек с лицом без выражения записывал что-то на восковой табличке — и при этом улыбался. Холодно. Едва заметно. Как человек, который знает о деле больше, чем говорит.

Глава 2: Подруга императрицы

Дружба при дворе — как кинжал за пазухой: пока не вынут, не узнаешь, кому он предназначен. Блажен, чьи друзья не имеют амбиций, ибо амбициозный друг опаснее врага — он знает, где ты спишь и с кем ты спишь.

— Публилий Сир, «Сентенции» (перевод с латинского)

Дворец встретил Вику запахом ладана и женских духов.

Она вернулась через боковой вход — воспользовалась подсказкой из дневника Мессалины, где было написано: «Если хочешь войти незамеченной — не ходи через главные ворота. Вольноотпущенники ставят там стражу, которая докладывает Нарциссу каждый твой шаг. Используй проход от храма Весты — он выводит прямо в мои покои, минуя караулы».

Проход оказался узкой каменной лестницей, петлявшей между стен: сначала вниз, в подвал, где гулял запах плесени и старого вина, потом снова вверх, через две запертые решётки, ключи от которых Мессалина предусмотрительно носила на поясе. Вика чуть не застряла в последнем проёме — тело новой Мессалины было чуть плотнее прежнего, пришлось втянуть живот и дышать неглубоко, чтобы протиснуться, — но в конце концов она вывалилась в свои покои через внутреннюю дверь гардеробной, целая и невредимая.

— Я сделала это, — прошептала она, падая на ложе. — Я прошла через чёрный ход как настоящий шпион. Папа мог бы мной гордиться.

Она пролежала минуту, глядя в потолок с нимфами, и вдруг поняла, что смертельно голодна. Последний раз она ела — где? В Москве? Вчера утром? Или в Риме, в теле Мессалины, когда её кормили рабыни? Она не помнила, знала только, что желудок сводит от пустоты.

— Эй! — крикнула она, хлопнув в ладоши. — Кто-нибудь!

Прибежали две рабыни — те же, что утром, старшая и младшая. Старшую звали Акрета, младшую — Феба. Вика вспомнила их имена из дневника: «Акрета верна, как собака, но глупа. Феба умна, но продаст за золотой. Ни той, ни другой не доверяй секретов, которые стоят жизни».

— Есть, — сказала Вика. — Я хочу есть. Немедленно. И чтобы это было не то, что подают во дворце. Мне нужно что-то простое. Хлеб. Овощи. Фрукты. И много воды — холодной.

Акрета тут же убежала. Феба осталась — стояла у двери, потупив глаза.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросила Вика.

Феба подняла голову. Девушка была молодой, смуглой, с быстрыми глазами и нервной привычкой теребить край туники.

— Госпожа, — сказала она шёпотом, — к вам пришли. Ждут в приёмной. Госпожа Агриппина.

Вика почувствовала, как внутри — не её нерв, а нерв Мессалины — дёрнулся. Тело помнило эту женщину. Помнило запах её духов — лаванда и полынь, горьковатый, как сама Агриппина. Помнило, как она улыбалась, обнимала, называла «дорогой сестрой» — и как после её ухода Мессалина всегда долго не могла заснуть, перебирая в памяти каждое её слово, ища скрытый смысл.

— Хорошо, — сказала Вика. Она подошла к зеркалу, поправила волосы, одёрнула столу, натянула на лицо улыбку, которую репетировала в суде годами: доброжелательную, открытую, ничего не значащую. — Впусти.

Агриппина вошла — и Вика, несмотря на все предупреждения, на минуту потеряла дар речи.

Она была прекрасна. Не красотой Мессалины — тёмной, опасной, хищной, — а другой, спокойной, величественной красотой, как у статуи, которую высекли из цельного куска мра-

мора. Волосы — русые, уложенные в сложную причёску с жемчужной сеткой. Лицо — с правильными чертами, гладкое, без единой морщины, хотя Агриппине было уже под сорок. Глаза — светлые, стального оттенка, которые, казалось, видели всё насквозь, но говорили только то, что выгодно.

Она была в тёмно-синей столе, расшитой золотом, с массивным ожерельем на шее — как у женщины, которая пришла с визитом к равной, но хочет напомнить, что равных ей нет.

— Валерия, — сказала Агриппина, протягивая руки, — я так рада, что ты вернулась. Я слышала, ты ездила в город? Одна? Без сопровождения? Это небезопасно, дорогая. Субура — не место для императрицы.

Вика приняла её руки в свои, позволила себя обнять. Щека Агриппины на миг прижалась к её щеке — и Вика почувствовала, как та прохладна. Агриппина пахла лавандой — и чем-то ещё, металлическим, почти неуловимым. Так пахнут люди, которые никогда не волнуются, потому что волнение — роскошь для тех, кто не держит всё под контролем.

— Я ездила по делу, — сказала Вика, высвобождаясь из объятий. — Скучное наследство. Один всадник из Кампании умер, оставил путаницу. Я решила помочь вдове — она почти моя ровесница, вдовство — тяжёлая участь.

Вика произнесла это специально: «почти моя ровесница». Агриппина была вдовой — второй раз.

В глазах Агриппины мелькнуло что-то — не боль, нет, скорее мимолётное раздражение, которое она тут же погасила улыбкой.

— Ты всегда была добра, Валерия. Это одно из твоих лучших качеств. — Она села на кресло, жестом приглашая Вику сесть напротив. — Я пришла к тебе не как гостья, а как сестра. У меня просьба.

«А вот и начало, — подумала Вика. — Сейчас начнётся».

— Слушаю, — сказала она.

— Мой сын. Нерон. — Агриппина сделала паузу, выбирая слова. — Ты знаешь, он — приёмный сын императора. Клавдий полюбил его, как родного. И Нерон очень привязан к тебе, Валерия. Он считает тебя своей тётей. — Она улыбнулась. — Но он — молодой человек. Ему семнадцать. И у него есть... потребности.

Вика чуть не поперхнулась воздухом. Она знала из истории, каким Нерон станет. Но семнадцатилетний Нерон — это был ещё не тот Нерон, который сжёг Рим и казнил собственную мать. Это был юноша с вьющимися рыжеватыми волосами и лицом, которое на портретах кажется мечтательным.

— Какие именно потребности? — спросила Вика осторожно.

— Деньги, — сказала Агриппина. — Ему нужно больше денег. Клавдий назначил ему содержание как сыну императора, но он — молодой человек, ему хочется развлекаться, дарить подарки друзьям, делать добрые дела... Дело в том, что в казне сейчас небольшая задержка. Нарцисс контролирует все расходы, и он не хочет выделять Нерону дополнительное содержание без личного распоряжения императора. Но император так занят, а я не хочу его беспокоить по таким пустякам. — Она подняла глаза на Вику. — Ты можешь поговорить с Клавдием? Он тебя слушается. Скажи, что Нерону нужны средства на образование, на представительство — и он подпишет.

Вика смотрела на Агриппину и видела не просто мать, просящую за сына. Она видела женщину, которая методично, шаг за шагом, подводила своего сына к трону. Сначала — усыновление. Потом — деньги на «представительство». Потом — укрепление позиций. И, в конце концов — власть.

«Ты хочешь, чтобы я попросила мужа дать твоему сыну деньги, — подумала Вика. — Ты используешь меня как ширму. А когда Нерон получит власть — ты уберёшь меня, как

убирают отработанный инструмент. Я читала Тацита. Я знаю, кем ты станешь через несколько лет, Агриппина».

Вслух она сказала:

— Конечно, дорогая. Я поговорю с Клавдием. Я уверена, он не откажет Нерону — он его очень любит.

Агриппина улыбнулась — широко, искренне, насколько это было возможно для неё.

— Я знала, что могу на тебя положиться, Валерия. — Она встала, снова обняла Вику. — Ты — моя единственная настоящая подруга в этом дворце. Все остальные — змеи. Особенно эти вольноотпущенники. — Она поморщилась. — Нарцисс и Палант плетут интриги, как пауки, и я боюсь, что однажды их паутина задушит нас всех. Но мы — женщины, мы должны держаться вместе. Правда?

— Правда, — сказала Вика.

Агриппина ещё раз улыбнулась и вышла — так же плавно, как вошла, оставив после себя запах лаванды и металла.

Вика постояла минуту, глядя на закрытую дверь, и медленно выдохнула.

— Ну и сука, — сказала она по-русски, потому что на латыни такого точного слова не было.

Феба, стоявшая у стены, подняла брови, но промолчала.

Вика подошла к столу, налила себе воды, выпила залпом. Мысли скакали,как блохи на горячей сковороде.

Ситуация: она — императрица Рима, в теле Мессалины, за два года до её казни. У неё есть дневник с компроматом, таинственное дело о наследстве, убитый гонец, вольноотпущенник, который её ненавидит, и подруга, которая хочет продвинуть своего сына к власти. А ещё — в городе, на Субуре, живёт танцовщица, которая унаследовала сундук с папирусами, способными погубить Агриппину.

«Мне нужен план, — сказала она себе. — План А, план Б, план В и, возможно, план, как сбежать из Рима через Галлию, если всё пойдёт не так».

Она взяла дневник Мессалины, достала его из-под плиты, раскрыла на закладке, где были записаны адреса «проверенных людей в городе». Среди них она нашла имя, которое ей понравилось: Марк Лоллий, бывший квестор, ныне частный сыщик, «знает все закоулки Рима и умеет развязывать языки».

— Эпафродит! — крикнула Вика. — Найди мне Марка Лоллия. Срочно.

Грек, который оказался где-то рядом, будто ждал, появился в дверях.

— Госпожа, Лоллий мёртв. Убили позавчера — нашли в Тибре. С перерезанным горлом.

Вика медленно опустилась на ложе.

— Тот же почерк, — сказала она. — Как и гонца Авла Секстия. Кто-то убирает свидетелей.

— Похоже на то, госпожа.

— Лоллий вёл какое-то дело до смерти?

— Вёл, госпожа. Он следил за одним греком — старым, с лицом в оспинах. Он говорил, что тот связан с каким-то важным домом. Но не успел сказать, с каким именно — его убили прежде, чем он принёс отчёт.

Вика зажмурилась. Грек с лицом в оспинах. Именно о нём говорила Вибия Пасса — «старый грек, который спорил с Авлом Секстием за месяц до его смерти».

— Эпафродит, — сказала она, — найди мне этого грека. Живым. До того как его найдут другие.

— Будет сделано, госпожа.

Он вышел. Вика осталась одна. Она открыла дневник и прочитала страницы, посвящённые Агриппине:

«Юлия Агриппина. Младшая. Родилась в Оппиде в 15 году. Сестра Калигулы, мать Нерона. В отличие от меня, не красавица — она величественна. Её оружие — не тело, а ум. Она не улыбается, когда хочет понравиться. Она улыбается, когда хочет что-то получить. Я ненавижу её с первой встречи — и мы лучшие подруги уже восемь лет. Боги любят шутки.

Что я о ней знаю: она ждёт моего падения. Она готовит Нерона к трону. Она знает, что я — единственная преграда между её сыном и властью. Но она не будет убивать меня сама — она дождётся, когда меня убьют другие, и оплачет меня на моих похоронах. Искренне, я уверена. Потому что она не только сука — она ещё и хорошая актриса.

Предупреждение той, кто читает это вместо меня: Агриппину нельзя недооценивать. Она сильнее меня — потому что она никогда не влюбляется. Я влюбляюсь. Это мой грех. Это моя слабость. А она холодна, как статуя Ливии. И такая же бессмертная»

Вика захлопнула дневник. Это было написано за месяц до того, как Мессалина влюбилась в Гая Силия — и, следовательно, до того, как её гибель стала неизбежной.

«Она знала, — подумала Вика. — Мессалина знала, что погибнет из-за любви. И всё равно пошла на это. Что же это была за любовь, если ради неё стоит умереть?»

Ответа не было. Был только холодок в груди — чужой памяти, которая помнила Гая Силия лучше, чем сама Вика помнила своё собственное прошлое.

В дверь постучали — не рабыня, а уверенный, мужской стук.

— Войдите, — сказала Вика, убирая дневник под подушку.

Вошёл преторианец — тот самый, что являлся утром, со шрамом через бровь.

— Госпожа, император просит вас к вечернему пиру. Пир в честь возвращения Вителлия из Сирии. Присутствие обязательно.

— Скажи императору, что я буду, — ответила Вика. — Но сначала — вели подать ванну. И пришли ко мне массажистку. У императрицы был трудный день, и её спина требует внимания.

Преторианец поклонился и вышел.

Вика откинулась на подушки и поняла, что ей страшно. Не за жизнь — за то, что она не справится. Слишком много слоёв. Слишком много людей, которые говорят одно, а делают другое. Рим был как многоэтажный судебный иск, в котором каждый участник — и истец, и ответчик, и свидетель, и судья одновременно.

«Но у меня есть фора, — сказала она себе. — Я знаю историю. Я знаю, кто умрёт, кто предаст, кто станет императором. Я могу использовать это знание. Если, конечно, история не решит меня обмануть».

Она закрыла глаза и позволила себе минуту слабости.

«Господи, — подумала она. — Как я хочу домой. В свой дурацкий кабинет. К своим дурацким искам. К своей дурацкой растворимой лапше. Там всё понятно. Там побеждает тот, кто лучше знает кодекс. А здесь побеждает тот, кто лучше умеет убивать».

Где-то в глубине дворца заиграла флейта — печальная, тягучая мелодия. Вика подумала о Гае Силии, которого казнили на рассвете. О его голове, которую, по обычаю, могли выставить на форуме. О Мессалине, которая любила его — и погубила его своей любовью.

— Обещаю тебе, — сказала она вслух в пустоту, обращаясь к той, чьё тело носила. — Я сделаю так, чтобы ты умерла не зря. Я не допущу твоих ошибок. Я буду умнее. И холоднее.

Она помолчала.

— Но я не обещаю, что не буду любить. Потому что это — единственное, что делает меня живой. Даже если я — всего лишь замена умершей императрицы.

Вечером дворец вспыхнул огнями, как праздничный торт, — сотни факелов, масляные лампы в нишах, свечи в канделябрах.

Пир в честь Вителлия собрал весь цвет римского общества: сенаторы в тогах с пурпурной каймой, всадники в светлых одеждах, матроны в драгоценностях, стоики-философы, которых

приглашали как украшение стола, и целая галерея льстецов, готовых сказать «император прав» даже на предложение сделать гарум обязательным напитком.

Вика вошла под руку с Клавдием — и зал поклонился. Она почувствовала на себе сотню взглядов: завистливые — женские, оценивающие — мужские, изучающие — тех, кто хотел понять, какая сегодня погода при дворе, по лицу императрицы.

«Так вот она какая, власть, — подумала Вика. — Как сцена. Все смотрят. И все ждут, когда ты оступишься».

— Валерия, — сказал Клавдий, усаживаясь на главное ложе и жестом приглашая её лечь рядом, — ты сияешь сегодня. Вителлий не оторвёт от тебя глаз.

— Пусть смотрит, — улыбнулась Вика. — Мне не жалко.

Клавдий рассмеялся — довольный, как кот, которому принесли сметану, — и хлопнул в ладоши, давая знак начинать.

Начался пир. Несмотря на своё московское прошлое — а может, именно благодаря ему, — Вика легко вписалась в роль хозяйки стола. Она пробовала блюда (павлина под соусом, мурену, фаршированного осьминога, засахаренные фрукты), улыбалась, отпускала остроты, поддерживала беседы — и при этом ни на секунду не прекращала наблюдать.

Луций Вителлий — старый лис с мясистым лицом и глазами, упрятанными в складки жира, — сидел напротив и то и дело салютовал ей кубком. Тот самый человек, который, по Парнову, «разул Мессалину» и целовал её сандалию, спрятав её между туникой и тогой. В этом зале он ещё не дошёл до такого раболепия, но уже явно примеривался.

— Госпожа, — сказал он, когда вино развязало ему язык, — говорят, вы сегодня посетили Субуру. В одиночку. Без сопровождения. Это храбрость — или безрассудство?

Вика подняла бровь. Информация распространялась быстро — быстрее, чем она ожидала.

— Это любопытство, — ответила она. — В Субуре живут люди, которые не носят тог. Иногда полезно вспомнить, что Рим — это не только триклиний.

— О-о, — протянул Вителлий, — вы опасная женщина, госпожа. Познакомиться с народом — это по-римски. Но узнать, что вы делали у танцовщицы Пассы, — это уже по-нашему, по-сплетнически. — Он засмеялся, довольно, как человек, который любит быть в курсе всех дел. — Не бойтесь, госпожа, я никому не скажу. Разве что своим ушам.

«Этот человек опасен, — подумала Вика. — Не тем, что хочет власти, — таких полно. А тем, что знает всё и делает вид, что знает мало».

— Я не скрываю своих дел, — сказала она вслух. — Я помогаю вдове. Это почётно.

— Почётно, почётно, — кивнул Вителлий, и в его глазах на миг блеснуло что-то — не насмешка, а скорее интерес. — Только, госпожа, вдовы бывают разные. И покойники тоже. Тот всадник, Секстий, — он ведь не сам умер, верно?

Вика замерла. Вителлий смотрел на неё в упор, улыбаясь сальными губами.

— Откуда вы знаете, что он не сам умер? — спросила она ровно.

— Я много чего знаю, госпожа. Когда тебе шестьдесят пять и ты пережил четырёх императоров — ты поневоле научаешься слушать. — Он наклонился ближе, понизил голос: — Секстий управлял имениями покойного Домиция. Первого мужа нашей дорогой Агриппины. А уж она-то, — он покрутил кубок, — очень не любит, когда копаются в делах её покойного мужа. Я бы на вашем месте, госпожа, копал — но тихо. Очень тихо. И обязательно — с оглядкой.

— Вы предупреждаете меня или запугиваете, Вителлий?

— Боже упаси, госпожа! — Он изобразил ужас. — Я даю добрый совет. У нас, стариков, только это и осталось — советы. По молодости мы раздавали деньги и женщин, по старости — советы. Считайте это моим взносом в копилку вашей мудрости. — Он поднял кубок. — За вас, госпожа. За женщину, которая не боится Субуры.

Вика чокнулась с ним. Вино было терпким, пахло смолой. Она пила медленно, думая.

«Вителлий знает про Авла Секстия больше, чем говорит, — отметила она мысленно. — Он тоже слышал про грека с оспинами? Или он сам этот грек? Нет, Вителлий — не грек. Но у таких людей есть люди. Сеть. Он мог быть тем, кто свёл Секстия с тем, кто вёл записи».

Пир шёл своим чередом. Гости пьянели. Голоса становились громче, шутки — солонее. Рабыни разносили вино. Где-то в углу заиграли на лире, предлагая всем подпевать.

Вика поймала на себе взгляд из-за дальнего стола. Молодой человек, лет семнадцати, с рыжеватыми кудрями, в пурпурной тунике сенатора — хотя по возрасту ему полагалось носить белую с пурпурной каймой. Он смотрел на неё — не так, как другие мужчины, а как-то иначе. С любопытством. С изучающим интересом, словно видел перед собой не императрицу, а загадку, которую нужно разгадать.

Нерон.

Вика узнала его по портретам и по описаниям: вьющиеся волосы, близко посаженные глаза, полные губы, лицо человека, который привык, что его обожают, — и которому этого мало.

Он поднялся с ложа и, обойдя столы, подошёл к ней. Клавдий в этот момент увлечённо обсуждал с Вителлием достоинства сирийских рабынь и не заметил.

— Тётя Валерия, — сказал Нерон, улыбаясь, — можно мне сесть рядом с вами?

«Тётя». Мальчик, который через несколько лет станет самым кровавым тираном Рима, называет её тётей.

— Садись, — сказала Вика. — Ты сегодня не пьёшь?

— Пью, но немного. — Он взял кубок, сел рядом, понизил голос: — Мать сказала, что вы будете говорить с императором о моём содержании. Спасибо вам. Хотя, честно говоря, мне не столько нужны деньги...

— А что тебе нужно? — спросила Вика.

Нерон задумался. В его глазах мелькнуло что-то — не по-детски глубокое.

— Мне нужно, чтобы меня замечали, — сказал он. — Дела, праздники, цирк — всё это для других. А я хочу... — Он запнулся. — Я пишу стихи. И пою. Император считает, что это недостойно будущего правителя. А я считаю, что правитель, который не умеет чувствовать, — это просто надсмотрщик с мечом.

Вика смотрела на него — на этого мальчика, который ещё не стал чудовищем, — и чувствовала странную жалость. Он был одинок. Он искал внимания. Он хотел, чтобы его любили — а вокруг были только льстецы, интриганы и мать, которая видела в нём не сына, а орудие.

«Через десять лет ты сожжёшь Рим, — подумала она. — Ты убьёшь свою мать. Ты убьёшь свою жену. Ты будешь играть на лире, пока город горит. И никто из нас не сможет тебя остановить».

— Знаешь, Нерон, — сказала она, — есть одно правило, которое я выучила за свою... долгую жизнь. — Она чуть не сказала «за свою жизнь в Москве», но вовремя спохватилась. — Люди, которые пишут стихи, обычно чувствуют больше других. Но иногда им кажется, что если чувствуешь больше — значит, имеешь право делать больше. И это — ошибка.

Нерон посмотрел на неё внимательно.

— Вы странная, тётя Валерия. Сегодня вы другая. Раньше вы говорили со мной, как со щенком, — гладили по голове и отпускали. А теперь вы говорите со мной, как с человеком.

Вика внутренне похолодела. Она забыла, что люди во дворце знают прежнюю Мессалину — и её поведение отличается от поведения новой.

— Взрослею, — сказала она, улыбаясь. — Это случается с женщинами иногда. За один день.

Нерон улыбнулся в ответ — и Вика увидела в этой улыбке то, что позже назовут «улыбкой Нерона»: обаяние, за которым — пустота. Или безумие. Или просто одиночество, загнанное внутрь.

— Вы тоже другая, — тихо сказала она. — Но это хорошо. По крайней мере, с вами можно разговаривать.

Он поднялся, поклонился по-взрослому и вернулся к своему столу.

Вика проводила его взглядом и перевела дух.

«Ладно. Пока справляюсь. Пока».

Ночью, когда пир угас и дворец погрузился в темноту, Вика лежала на своём ложе и не могла заснуть. В голове крутились лица: Агриппина с её лавандовым запахом, Вителлий с его намёками, Нерон с его одинокими глазами, Вибия Пасса с её дрожащими пальцами.

И — мертвецы. Двое убитых с перерезанным горлом. Гонец. Сыщик Лоллий. И тот, кто будет следующим — если она не поймёт, что происходит.

Она достала из-под плиты дневник, раскрыла на последней чистой странице и вывела гусиным пером, макая в чернила, — для себя, не для потомков:

«День первый в Риме. Итоги: я жива, я в теле императрицы, у меня есть дневник-компромат, дело о наследстве с убийством и подозрение, что Нарцисс знает больше, чем говорит. Агриппина попросила денег для Нерона — сделаю вид, что помогаю. Вителлий предупредил: копать тихо. Нерон странный, но пока безобидный. Нужно: найти грека с оспинами, вскрыть сундук с папирусами, понять, кто убил Секстия. И не влюбиться ни в кого. Особенно — в мёртвых любовников предыдущей хозяйки».

Она перечитала последнюю строчку и долго смотрела на неё.

«Особенно — в мёртвых любовников».

А потом, против своей воли, подумала о Гае Силии — о человеке, чьё лицо она видела только в чужих воспоминаниях, но чьё имя носило её тело, как шрам.

— Кто же ты был такой, Гай? — прошептала она в темноту. — Что ты сделал с этой женщиной, что она отдала за тебя жизнь?

Ответа не было. Только печальная флейта, игравшая где-то во дворце, — или, может быть, это ветер гулял в мраморных переходах.

Вика закрыла глаза и наконец провалилась в сон — тревожный, полный чужих лиц и запаха лаванды.

Глава 3: Договор без подписи

В Риме закон — то же самое, что меч гладиатора: у кого рука крепче, тот и решает, где справедливость. Но есть договоры, которые не подписывают на форуме — их заключают молча, глядя друг другу в глаза, и скрепляют не печатью, а кровью.

— Плиний Старший, «О правде и праве», утерянный фрагмент

Вика проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо.

Она открыла глаза — и увидела прямо перед собой лицо, перекошенное гримасой, с синеватыми губами и выкатившимися глазами. Она закричала бы, если бы не узнала в этом лице Эпафродита — просто он выглядел так, будто его только что пытали.

— Госпожа, — прохрипел грек, — госпожа, проснитесь! Я нашёл его.

Вика села рывком, сбрасывая остатки сна. За окнами ещё было темно — звёзды не успели побледнеть, а петухи только начинали перекличку.

— Кого? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Грека. С лицом в оспинах. Его зовут Аристон. Он живёт на Авентинском холме, в старом доходном доме, снимает комнату у вдовы-хлеботорговки. Он не выходит из дома несколько дней — видимо, боится. Дверь не открывает никому, кроме неё. Но я подкупил разносчика молока — тот сказал, что сегодня утром грек попросил принести ему восковых табличек и вина. Значит, он жив и что-то пишет.

Вика уже стояла, натягивая тунику поверх ночной столы. Руки двигались сами — память Мессалины подсказывала, как одеваться быстро.

— Время? — спросила она.

— Четвёртый час ночи, госпожа. До рассвета ещё два часа. Если мы пойдём сейчас — нас не заметят. Субура спит, Авентин тем более.

— Хорошо. — Вика застегнула пояс, накинула тёмную паллу, натянула капюшон. — Возьми немого Клеона. И факелы — по одному на каждого.

Эпафродит поклонился и исчез. Вика задержалась на минуту — взяла дневник Мессалины, сунула его в складки паллы, подумала и положила туда же небольшой кинжал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.